* * *

В такие морозы, в усадьбе,
тоску надоело копить
и знать, что к соседу на свадьбу
тебя не рискнут пригласить,
поскольку слывешь дебоширом
и часто бываешь не трезв.
В такие морозы полмира
отдашь за камин и шартрез.
в такие морозы от бога
никак уж не спрячешь лица,
в такие морозы дорога
никак не дойдет до конца.
В России легко затеряться,
здесь всякий ничтожен и мал,
но все-таки хочется, братцы,
чтоб кто-то тебя отыскал.
Но мысли твои не согреют,
и добрым не станет зоил.
Не жалко себя, жалко время.
И тех, кто меня не любил.

Неаполитано

1

Италия тонула во мне как «Титаник»
С песней «Феличита», под которую танцевали
Мои одноклассники на пионерском расстоянии;
С крутым сериалом про комиссара Каттани,
Которого воскрешали и убивали
Несколько раз. И ещё с Мастроянни,
И с футболом, где правил король Диего
Армандо… И вот я в Неаполе,
Отпускающем корабли, как солдат война.
Здесь зимой почти не бывает снега,
Только в этом году им глаза закапали
Бесконечным соборам, чей изогнут ряд.
Я смотрю с холма, мне бы стать спасателем,
Чтоб из памяти «Титаник» вернуть назад…
Пусть висит в небесах на обрывках арий.
Никого не смеши, не зовись писателем,
И если почувствуешь чей-то взгляд,
Не надейся – это не Януарий.

2

Кафе «Гамбринус». Счастья слишком много,
чтоб поместиться в счёт.
Здесь был не только Горький, но и Гоголь
И кто-нибудь ещё.
От моря пахнет сыростью и морем
Таким, что не вздохнёшь.
И как же мне смириться с этим горем,
Что торжествует ложь.
Вот-вот прольются трепетные капли
На постаревший нимб.
Сплошной туман скрывает остров Капри
И всё, что было с ним.
Здесь мотоцикл с автомобилем в паре
Одной толпой рулит.
И кажется теперь, что карбонарий
Десерта новый вид.
Не так уж сложно взять и стать счастливым,
Когда не суждено.
И даже хорошо, что дно залива,
Без лишних смыслов дно.

3

Итальянский язык изучал я сначала по нотам,
Где оттенки и темпы привыкли друг друга менять.
Я приехал в Италию, и проникает по новым,
По незримым путям золотое бельканто в меня.
Я живу в этом мареве гласных и звонких согласных,
Что становятся громче, когда упираются в порт.

О, Италия, как же ты любишь с тобой не согласных,
Этой странной любовью здесь камешек всякий истёрт.
Не печалься, Италия, твой сапожок пригодится
Для пришедших из моря с лихим вероломством сюда,
И тогда ты уж топнешь ногой, и вспылишь как царица,
И очами блеснёшь, провожая на гибель суда.
Если север и юг по ночам приближаются к югу,
Значит, карту составил географ, не будучи трезв.
Значит, он полагал невозможным движенье по кругу,
Если прямо идти, если молод, тщеславен и резв.
А Везувий да Этна теперь как супруги в разводе,
Потихоньку дымят, потихоньку бурлят о своём,
И молва растворяется в шумном прекрасном народе,
Что вулканы когда-то в согласии жили вдвоём.

* * *

Над Василием Блаженным
Небо к ночи цвет меняет.
Отблеск нежности мгновенной,
Для меня ли, для меня ли?
Быль важнее небылицы,
Новость всех важнее мире.
Вспоминаешь ли ты лица
Тех, с кем говоришь в эфире?
Эхо корчится от смеха,
Жизнь азартна словно ралли,
Я уж с ярмарки уехал.
Обернуться не пора ли?

* * *

Смотри на проходящий мимо
Случайный поезд и мечтай,
что жизнь твоя неповторима.
Потом спроси горячий чай,
И проводница улыбнётся,
как будто ты ей брат родной.
А за окном Россия вьётся,
Твоя Россия, боже мой.
От экзистенции и скуки
Лекарства не изобрели.
Тоска то схватит, то отпустит,
Смотри её не разозли!
А разозлишь, – так, значит, надо.
Тебе с ней мыкаться всегда.
Все поезда пришли из ада?
Все поезда, все поезда.

* * *

Заводи винил
Песенной стихии.
Некого винить
В том, что мы такие.

Прошлого печать
Мне срывать не страшно.
Постараюсь встать
Вровень с днём вчерашним.
А потом слегка
На носки подняться,
Чтоб издалека
начал мир меняться.
Вот всё ближе он…
Самой крепкой связью
Связан с ним мой сон,
что вернулся явью.
Лампочки накал
Потускнел немного.
Я не отобрал
Этот мир у Бога.
Песенный винил
Напрочь стёр иголку.
Из последних сил
Жить придётся долго.
Некого спросить –
Стал священник птицей.
Всем, кто хочет пить,
Надо дать напиться.

* * *

Так изменилось всё, что слово
Бежит упрямо от строки.
Его я загоняю снова,
И снова это не с руки.
Необратимо слов кочевье,
Ты им не пастырь, не пастух.
Когда беснуются деревья,
В них говорит древесный дух.
А ты подумай, где лубочный
Застывший город прячет суть.
Ведь подавился ты любовью
Так глубоко, что не вздохнуть.
Пустынной местности насельник,
Ты расшифруешь всякий звук.
Но путь всегда лежит на север.
Когда тебя влечёт на юг.
В карман не лезешь за словами
Поскольку слов давно уж нет.
Они спешат, они не с нами,
Несут наш страх. Несут наш свет.
Все разошлись по снам и койкам,
Теряли больше, жгли дотла.
Ты просто жди. Не беспокойся!
Земля кругла и ночь светла.

* * *

Мне кажется, что люстры видят нас,
Особенно когда потухнут лампы.
Все наши непотребства и таланты
Не скрыть от их неразделённых глаз.
Мне кажется, что люстры слышат нас,
Когда мы замолкаем отрешённо,
Не в силах разрешить вопрос решённый,
Им жалко нас в сей безнадёжный час.
Мне кажется, что люстры помнят нас,
Особенно когда себя не помним,
От внутренних своих сгораем молний
И бьёмся головой в небес каркас.
Мне кажется, что люстры чуют нас,
Когда мы их разбили или сняли,
Они о стороне другой медали
Раздумывают всякий новый раз.
Мне кажется, что люстры любят нас,
Особенно когда мы зло и пьяно
Не любим их отъявленно и рьяно,
И гасим свет. И сновиденья в пляс
Пускаем там, где нас по именам
Никто не знает и не надо нам
Ни объяснений, ни синиц в руке.
Остался только крюк на потолке.
Сюжетов нынче много на Руси!
Под потолком попробуй повиси.